

**ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
за 2017 год**

Анализируя дисциплинарную практику за истекший 2017 год и рассматривая ее в сравнительном аспекте (а Совет Палаты ежегодно делает обзоры этой практики), следует отметить, что в целом ситуация с дисциплиной в АПИО достаточно ровная, амплитуда колебаний не высока. Вместе с тем, необходимо отметить, что и существенного улучшения положения с корпоративной дисциплиной и профессиональной этикой в адвокатском сообществе региона пока не отмечено; некоторые категории дисциплинарных дел (увы!) с незавидным постоянством из года в год рассматриваются дисциплинарными органами Палаты.

За 2017 год в АПИО поступило 77 обращений (в 2016 г. – 64), из которых:
жалобы и заявления граждан – 50 (в 2016 г. – 36);
частные постановления, определения, сообщения судов – 11 (в 2016 г. – 14);
сообщения из следственных органов – 12 (в 2016 г. – 12);
представление вице-президента АПИО – 3 (в 2016 г. – 3);
представление Управления Минюста РФ по Ивановской области – 1 (в 2016 г. – 0).

Сравнивая приведенные данные с 2016 годом, следует отметить, что общее количество обращений увеличилось на 35, то есть примерно на 19%.

В 2017 г. в АПИО поступили две жалобы адвокатов на своих коллег. Однако еще на стадии проверки доводов жалоб и до решения вопроса о наличии-отсутствии оснований для возбуждения по указанным жалобам дисциплинарных производств жалобы были отозваны заявителями ввиду урегулирования возникших споров с коллегами. Это, безусловно, позитивная практика, свидетельствующая об эффективности проводимой руководством Адвокатской Палаты проверки на стадии до возбуждения дисциплинарного производства, а также об умении наших коллег вдумчиво и ответственно разрешать возникающие по тем или иным основаниям их профессиональные разногласия.

Всего в 2017 году было возбуждено 14 дисциплинарных производств (в 2016 г. - 12), одиннадцать из которых в том же году были рассмотрены.

Анализ поступивших в Палату обращений показывает, что граждане имеют претензии к адвокатам в связи с несвоевременным исполнением принятых адвокатами поручений, с нарушением ими кассовой дисциплины, неисполнением обязательств адвокатами апелляционного обжалования судебных актов, оказанием юридической помощи адвокатом в состоянии конфликта интересов, осуществлением защиты по назначению «карманным адвокатом».

Суды сообщают в Палату о несвоевременной явке адвокатов в судебные процессы, о срывах судебных заседаний вследствие неявки адвокатов без уважительной причины, о неэтичном поведении адвокатов в судебном процессе, о нарушении адвокатами права на защиту своих доверителей.

Впервые за много лет в Палату поступило обращение руководителя Адвокатской Палаты соседнего региона - Президента Адвокатской Палаты Владимирской области Денисова Ю.В. с информацией о нарушениях адвоката – члена АПИО, осуществлявшего адвокатскую деятельность по назначению за пределами судебного района, в котором адвокат был вправе это делать.

В результате рассмотрения дисциплинарными органами Палаты в 2017 году одиннадцати дисциплинарных производств три из них были прекращены за отсутствием в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката; одно дисциплинарное производство было прекращено в связи с малозначительностью и одно – в связи с отзывом

жалобы заявителем; по шести дисциплинарным делам адвокаты были привлечены к различным мерам дисциплинарной ответственности: замечание объявлено двум адвокатам, предупреждение – трем адвокатам, в отношении одного адвоката применена мера дисциплинарной ответственности - прекращение статуса адвоката.

В 2017 году одно дисциплинарное производство рассматривалось Советом дважды, поскольку по результатам первого рассмотрения Совет принял решение о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства в порядке пп. 5 п.1 ст. 25 КПЭА в связи с неполнотой установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельств данного дисциплинарного дела.

За обозреваемый период фактов обжалования решений Совета Палаты в суд не имелось.

Далее приведем обзор рассмотренных в 2017 году дисциплинарных производств.

Доводы жалобы заявителя об искажении адвокатом его позиции и непредставлении адвокатом суду доказательств, полученных от доверителя, подлежат доказыванию заявителем жалобы.

Распоряжением Президента АПИО от 15 мая 2017 г. возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. по жалобе гр. С., претензии которого сводились к следующему:

1. Адвокат избрал неверную позицию в отстаивании интересов доверителя С., которая не была с ним согласована; намерено представил суду ложную информацию о месте и сроках фактического проживания доверителя в юридически значимый период; не довел до сведения суда факт раздельного проживания С. с супругой на протяжении последних десяти лет и ведения совместного хозяйства с другой женщиной, что повлияло на принятое по делу судебное постановление.

2. Вопреки интересам доверителя адвокат не представил суду первой инстанции имеющиеся у него полученные от С. доказательства, не делал попытки вызвать в суд для допроса свидетелей, показания которых могли бы подтвердить факт раздельного проживания супругов, не заявлял ходатайства о направлении запросов в полицию и об истребовании материалов дела об административном правонарушении с целью доказывания вышеизложенных обстоятельств.

Адвокат Б. в письменных объяснениях, а также в ходе заседания квалификационной комиссии и совета, с доводами жалобы не согласился и пояснил, что нарушений, изложенных в жалобе С., им допущено не было. До начала судебного заседания правовая позиция по делу была согласована с доверителем, после чего он принял участие в судебном заседании, доведя ее до сведения суда. Для рассмотрения вопросов о природе приобретения имущества сам доверитель С. дважды лично участвовал в судебном заседании, а также им лично было подано встречное исковое заявление.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства было установлено, что адвокат Б. по соглашению с гр. С. представлял последнего в суде по гражданскому делу по иску С.О.Б. к С. о разделе совместно нажитого имущества, действуя на основании доверенности, содержащей весь комплекс полномочий, необходимых для реализации поверенным прав стороны в гражданском процессе в отсутствие доверителя.

По данному гражданскому делу состоялось 2 предварительных судебных заседания и 4 судебных заседания. При этом С. принимал личное участие в предварительном судебном заседании 27.12.2016 г. и в судебном заседании 16.01.2017 г. Кроме того, 07.12.2016 г. им лично через канцелярию суда было подано встречное исковое заявление к С.О.Б. о разделе совместно нажитого имущества.

Из протоколов предварительного и судебного заседаний, С. ни разу не возразил относительно фактических обстоятельств дела, изложенных в иске С.О.Б., не высказывал возражений по поводу указанного ею периода их совместного проживания и приобретения

предъявленного к разделу имущества в период брака за счет их общих доходов. Его позиция по делу сводилась к несогласию с предложенным супругой вариантом раздела имущества и включением в раздел общего долга супругов в размере 1 600 000 рублей. В ходе судебных заседаний он активно обсуждал возможность заключения мирового соглашения на условиях выгодного для него варианта раздела, а также урегулирования спора посредством медиации. О том, что фактические брачные отношения с супругой прекращены в 2006 году, в связи с чем предъявленное к разделу нежилое здание в г. В. не является их общей совместной собственностью, С. не озвучивал ни разу, не следовало этого и из характера задаваемых им С.О.Б. вопросов, а также из содержания приобщенных к материалам дела документов.

Из текста встречного искового заявления следует, что С. не только не возражает против перечня указанного супругой общего совместного имущества, но и, предлагая свой вариант его раздела, просит суд «признать совместным имуществом нежилое строение, согласно оценке стоимостью 1 594 273 рубля».

Совет АПИО, согласился с выводами квалификационной комиссии о том, что, участвуя в отсутствие С. в судебном заседании, адвокат Б. не искажил правовую позицию, избранную доверителем, и сообщил суду достоверные сведения о фактических обстоятельствах дела; а также с тем, что не нашел подтверждения довод заявителя о непредставлении адвокатом Б. суду полученных от доверителя доказательств. Заявителем жалобы в материалы дисциплинарного производства доказательств обратного не представлено.

На основании изложенного решением Совета Адвокатской палаты Ивановской области дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. было прекращено вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат необоснованно занял позицию по квалификации действий подсудимого по изъятию имущества потерпевшего стоимостью 500 рублей по ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку тайное хищение чужого имущества на эту сумму не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. С учетом конкретных фактических обстоятельств допущенного нарушения Совет палаты прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката вследствие малозначительности совершенного проступка.

Распоряжением президента Адвокатской палаты Ивановской области от 17 апреля 2017 года на основании п. 1 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, абз. 2 п. 7 ст. 31 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката В., поводом для которого послужило частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда.

В частном определении указывалось, что адвокат В. осуществлял защиту подсудимого С. в К...ком районном суде Ивановской области при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции. По результатам рассмотрения апелляционной жалобы осужденного С. приговор К...кого районного суда Ивановской области был отменен на основании ч.1 ст.389.17 УПК РФ, уголовное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции в частном определении пришел к следующим выводам:

- из протокола судебного заседания, постановленного приговора осужденный С. вину в совершении разбоя признал частично, пояснив, что принадлежащее потерпевшему имущество взял, а травма глаза у потерпевшего не могла образоваться от его действий, поскольку он (С.) толкнул потерпевшего в грудь, а потерпевший ударился о стену дома. Аналогичную позицию С. отстаивал и в суде апелляционной инстанции, доказывая необоснованность постановленного в отношении него обвинительного приговора.

Адвокат В., осуществляя защиту С. в суде первой инстанции, высказывался о возможной правильности квалификации действий его подзащитного по ч.1 ст.162 УК РФ (несмотря на то,

что сам С. против этого возражал), говоря в ходе судебного следствия: «Получается, что квалификация по ч.1 ст.162 УК РФ правильная?»;

- аудиозапись процесса свидетельствует о том, что адвокат В. указывал на доверие показаниям потерпевшего в той части, что вещи у него из кармана выпасть не могли, несмотря на то, что его подзащитный С. был с этими показаниями не согласен (указывал, что вещи у потерпевшего выпали из кармана);

- согласно аудиозаписи судебного заседания С. не высказывался по вопросу о согласии с возможной квалификацией его действий по ст.112 УК РФ. Несмотря на это, должным образом не согласовав свою позицию с подзащитным, выступая в прениях, адвокат В. просил переквалифицировать действия С. с ч.1 ст.162 УК РФ на ч.1 ст.112 УК РФ и ч.1 ст.158 УК РФ, тогда как С. не признавал сам факт умышленного причинения повреждений средней тяжести потерпевшему (а ответственность за причинение повреждений средней тяжести по неосторожности нет) и при том, что стоимость похищенного у потерпевшего имущества составляла 500 рублей.

- адвокат В. просил назначить С. по ч.1 ст.112, ч.1 ст.158 УК РФ соответствующее наказание. Указанная позиция адвоката о квалификации действий С. по ч.1 ст.112 УК РФ и ч.1 ст.158 УК РФ не соответствовала позиции по делу С. и положениям уголовного закона (протокол л.д.46-47 т.2, аудиозапись от 24 января 2017 г).

В связи с изложенным суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что право подсудимого на защиту было нарушено, вследствие чего постановленный в отношении С. приговор отменен в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона с направлением уголовного дела на новое рассмотрение в ином составе.

В частном определении не указаны конкретные нормы ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и уголовно-процессуального законодательства, которые нарушены адвокатом В., документы к нему не приложены.

Жалоба от осужденного С. на ненадлежащую защиту его интересов адвокатом В. в АПИО не поступала.

Адвокат В. не согласился с доводами частного определения и письменно указал, что:

- в ходе судебного процесса им «действительно задавался вопрос подсудимому о возможной правильной квалификации преступления предварительным следствием, но он задавался только для того, чтобы суд убедился в незыблемости позиции подсудимого по непризнанию квалификации и непризнанию вины по вмененному преступлению». Адвокат считает это нормальным рабочим процессом;

- анализируя показания потерпевшего в суде, адвокат вопреки доводам частного определения указывал не на доверие этим показаниям, а, напротив, опровергал утверждение потерпевшего, что вещи у него не могли выпасть. Особо отмечал, что потерпевший был в таком состоянии, что он мог только предполагать, а не утверждать; и на предположениях не может быть основан приговор. Кроме того, факт доверия показаниям потерпевшего опровергается выступлением адвоката В. в прениях, где говорится, что независимо от того, что утверждает потерпевший, портмоне и другие вещи выпали и их С. подобрал с земли;

- согласно аудиозаписи судебного заседания С. не высказывался по вопросу о согласовании возможной квалификации его действий по ст.112 УК РФ. На вопрос адвоката подсудимому: «Тогда вы признаете ст.112 УК РФ — причинение вреда здоровью средней тяжести?», подсудимый ответил: «Да». Изложенное свидетельствует о согласовании позиции адвоката и подзащитного. Вопрос о переквалификации вмененного преступления на более мягкую статью был согласован с подзащитным еще в предварительном следствии, затем подтверждена в судебном процессе;

- адвокат В. считает, что причинение потерпевшему средней тяжести вреда здоровью сопровождалось косвенным умыслом, что вполне соответствует квалификации его действий в этой части по части 1 статьи 112 УК РФ.

На заседании квалификационной комиссии и Совета АПИО адвокат В. свои письменные объяснения поддержал и согласился с тем, что не должен был предлагать суду квалифицировать действия подсудимого С. по ч.1 ст.158 УК РФ и назначать соответствующее наказание по данной статье в связи с тем, что при стоимости похищенного имущества 500 рублей, состав преступления не образуется.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства было установлено, что при рассмотрении дела подсудимый С. пояснил, что обвинение ему понятно. Вину в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.162 УК РФ, признал частично и показал, что 08.10.2016 года шел вместе с Н. по ул. Зайцева в г. К. Навстречу им шел потерпевший И., который был пьян. С. попросил у потерпевшего закурить, на что тот ответил в грубой нецензурной форме. Поэтому подсудимый С. толкнул его в грудь, отчего потерпевший сделал шаг назад и лицом ударился о стену дома, после чего присел. Рядом с И. оказалось портмоне и пластиковые карточки. С. взял портмоне, а также две зажигалки и положил в карман, после чего ушел. Травма глаза у И. не могла образоваться от того, что С. толкнул его, а образовалась от того, что он ударился о стену дома.

В ходе судебного следствия адвокатом В. задавались вопросы подсудимому С. с целью выяснения фактических обстоятельств дела и позиции подзащитного. При этом был задан вопрос подсудимому С.: «Получается, что квалификация по ч.1 ст.162 УК РФ правильная?». Согласно протоколу судебного заседания (стр. 17) ответ на вопрос получен не был, что дает возможность предполагать как положительный, так и отрицательный ответ. Далее по протоколу следует вопрос председательствующего: «Вы настаиваете на показаниях, данных Вами в судебном следствии?». И ответ подсудимого: «Да, но я его толкнул не для того, чтобы у него что-то взять. Я его толкнул потому, что он ответил мне нецензурно на мою просьбу дать мне закурить». Далее на вопрос защитника В.: «Тогда Вы признаете ст.112 УК РФ – причинение вреда здоровью средней тяжести?» следует ответ: «Да».

В прениях адвокат В. высказал несогласие с предъявленным обвинением по ч.1 ст.162 УК РФ: «Мой подзащитный толкнул потерпевшего, тот ударился лицом о стену дома. Я считаю, что в данном случае присутствуют все признаки ч.1 ст.112 УК РФ – причинение потерпевшему вреда здоровью средней тяжести. Как мы видим из показаний потерпевшего, когда его ударили, он ничего не понял. То, что у него вывалилось портмоне, он не видел, как портмоне, зажигалки и документы брал мой подзащитный. Из этого следует, что в качестве имущественного вреда усматривается ч.1 ст.158 УК РФ, поскольку по значительности ущерба не было выявлено. Исходя из всех собранных по делу материалов, считаю, что необходимо переквалифицировать действия моего подзащитного с ч.1 ст.162 УК РФ на ч.1 ст.112 УК РФ и ч.1 ст.158 УК РФ и вынести ему наказание в пределах, предусмотренных данными статьями».

В последнем слове подсудимый С. сказал: «Я, конечно, виноват перед потерпевшим, прошу извинения за причинение вреда здоровью. Прошу Вас строго не наказывать меня, у меня больше нет сил сидеть».

Совет АПИО согласился с выводами квалификационной комиссии о том, что адвокат В. необоснованно занял позицию по квалификации действий подсудимого С. по изъятию имущества потерпевшего стоимостью 500 рублей по ч.1 ст.158 УК РФ, полагая необходимым назначить ему наказание по данной норме уголовного закона, поскольку тайное похищение чужого имущества на эту сумму не образует состава преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ.

Также Совет палаты согласился с мнением квалификационной комиссии о том, что в остальной части частного определения от 27.03.2017 г. не усматривается в действиях адвоката В. нарушений норм ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Кодекса профессиональной этики адвоката и уголовно-процессуального законодательства.

При этом Совет АПИО отметил, что согласно ст.18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности является предметом исключительной компетенции Совета адвокатской палаты. При этом, не может повлечь применение данных мер действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса профессиональной этике адвоката, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате (п.п. 2 и 4).

Как установлено в ходе дисциплинарного производства адвокат В. честно, разумно, добросовестно и своевременно исполнял свои обязанности, активно защищал права и интересы доверителя в рамках уголовного дела. Его позиция в целом не противоречила позиции подзащитного, оспаривавшего квалификацию его действий и наступивших от них последствий.

Совершенные адвокатом В. в рамках оказания юридической помощи по уголовному делу действия не порочат честь и достоинство адвоката, не умаляют авторитет адвокатуры и не причинили какого-либо вреда доверителю.

С учетом приведенных обстоятельств Совет палаты решением от 26.05.2017 г. прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката В. вследствие малозначительности совершенного проступка.

Действия адвоката, выразившиеся в том, что адвокат не подготовила и не подала апелляционную жалобу на приговор, хотя была обязана это сделать, расцениваются как отказ от принятой на себя защиты и признаются дисциплинарным проступком.

Распоряжением Президентом АППО от 07.09.2017 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. Поводом послужило обращение судьи Ивановского областного суда М. о ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей и нарушении норм законодательства об адвокатуре адвокатом Г., выразившихся в том, что адвокат не выполнила своей прямой обязанности по оказанию юридической помощи доверителю, связанной с апелляционным обжалованием приговора.

Из объяснений адвоката Г., данных в ходе рассмотрения дисциплинарного производства, следовало, что адвокат не согласна с доводами заявителя, что, по ее мнению, осуществляя защиту по назначению органов предварительного следствия и суда обвиняемого А., она никаких нарушений не допускала. В ходе защиты А. выяснилось, что подзащитный является неграмотным, образования не имеет, протоколы и другие документы адвокат для подзащитного оглашала вслух. А. неоднократно заявлял, что его родственниками ему будет приглашен защитник по соглашению. В одном из судебных заседаний А. заявлял отвод адвокату Г., который был отклонен. В ходе рассмотрения уголовного дела судом адвокат поддержала позицию А. о непричастности последнего к совершению преступления, доказывала алиби подзащитного, выступала в прениях сторон. Адвокат неоднократно консультировала подзащитного, согласовывала с ним позицию и вопросы свидетелям. Кроме того, адвокат объясняла А. порядок подачи апелляционной жалобы на приговор. После выступления с последним словом у А. выяснялся вопрос о необходимости подачи адвокатом Г. апелляционной жалобы. А. заявил адвокату Г., что его родственниками будет заключено соглашение с другим адвокатом. В подтверждение слов подзащитного в день оглашения приговора мать осужденного А. сообщила адвокату, что в дальнейшем интересы А. будет представлять другой защитник. Те же сведения подтвердил брат подзащитного. До истечения срока подачи апелляционной жалобы на приговор суда адвокат Г. встречалась с матерью подзащитного, которая пояснила, что А. сам подал апелляционную жалобу, и помощь адвоката Г. в дальнейшем не требуется. Мать отказалась сообщить адвокату Г. сведения о том, заключено ли соглашение на защиту сына с другим адвокатом. В последующем мать А. неоднократно консультировалась у Г. по различным правовым вопросам, связанным с судьбой сына. Адвокат Г. полагает, что Кодекс профессиональной этики адвоката ею нарушен не был. Признает, что не получила письменный отказ от осужденного А. и его родственников от подачи ею апелляционной жалобы. Заверила, что указанные обстоятельства будут учтены ею в дальнейшем, и будут приняты все возможные меры по недопущению поступления обращений из Ивановского областного суда на ее имя.

Исследовав материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы обращения, дисциплинарные органы палаты установили следующее.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об

адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» (подпункты 1 и 4 пункта 1 статьи 7, пункт 2 статьи 7 названного Закона).

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абзац 1 пункта 1 статьи 2 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в РФ»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он может и должен совершить для надлежащей защиты прав и законных интересов доверителя.

Вместе с тем, согласно пунктам 2 и 4 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат, принявший в порядке назначения поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая при необходимости подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда.

Адвокат-защитник обязан обжаловать приговор:

- 1) по просьбе подзащитного;
- 2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный;
- 3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Адвокатом Г. не представлено письменного отказа подзащитного от обжалования приговора.

Адвокат Г. знала о неграмотности подзащитного, не имела сведений о подаче апелляционной жалобы на приговор суда защитником по соглашению. Таким образом, подзащитный не высказал адвокату прямого отказа от обжалования приговора. Ссылка адвоката на то, что она знала, что А. сам подал апелляционную жалобу, не может быть принята во внимание, поскольку такие действия прямо противоречат вышеуказанным положениям Кодекса профессиональной этики адвоката.

По указанному обстоятельству, связанному с необжалованием приговора, принято во внимание, что государство гарантирует право граждан на получение именно квалифицированной юридической помощи, одним из проявлений которого является право пользоваться помощью адвоката (защитника) (части 1 и 2 статьи 48 Конституции РФ). На это неоднократно указывал Конституционный Суд РФ (см., в частности, Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 года № 2-П). Оказание адвокатом неквалифицированной юридической помощи не соответствует требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в РФ».

Совет АПИО согласился с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом Г. при защите А. подп. 1 п.1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п.п. 2, 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не исполнила свои профессиональные обязанности добросовестно и квалифицированно, а именно: не подготовила и не подала апелляционную жалобу на приговор, хотя была обязана это сделать, отказавшись тем самым от принятой на себя защиты. С учетом фактических обстоятельств дела и личности адвоката Г. к ней была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания.

В части обжалования приговора адвокат по назначению нарушений не допустил, так как подача адвокатом-защитником апелляционной жалобы не является самоцелью, а должна обеспечить реализацию гарантированного обвиняемому ст. 48 Конституции РФ права на получение квалифицированной юридической помощи как составной части обеспечения права обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ). Жалоба была подана в срок защитником по соглашению.

Президентом АПИО 21.01.2017 г. по жалобе гр. К. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката З.

В жалобе заявитель просит оценить действия адвоката по его защите на предмет совместимости с адвокатской деятельностью и указывает на нарушения, допущенные, по его мнению, адвокатом З.:

- 1) адвокат З. не поддержал заявленный К. отвод защитнику в судебном заседании 13.10.2016;
- 2) после отказа суда в удовлетворении отвода защитнику адвокат З. ничего не сделал для защиты К.: вопросов почти не задавал, в СИЗО к нему после приговора не пришел, апелляционную жалобу не подал, хотя знал, что К. с приговором суда не согласен;
- 3) подобные действия адвоката позволили К. сделать вывод о том, что адвокат действовал не в интересах доверителя, а в интересах суда.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат З. указал, что осуществлял защиту К. по назначению судьи Ф...кого районного суда г. Иваново с 04.10.2016. Против отвода не возражал, оставил на усмотрение суда, поскольку был не согласен с мотивировкой, изложенной К., относительно оказания им, адвокатом З., неквалифицированной юридической помощи и недоверия к нему. В процессе вел себя активно. В судебном заседании К. контактировал исключительно с адвокатом по соглашению Б., контактов с ним избегал. Просьбы о составлении жалобы и посещения его в СИЗО К. не высказывал, сообщил, что жалобу составит адвокат по соглашению Б. В связи с позицией К. апелляционную жалобу на приговор З. не составлял, т.к. был уверен, что жалобу принесет адвокат по соглашению Б., что и произошло по факту. Право К. на принесение апелляционной жалобы на приговор суда было реализовано.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства было установлено следующее:

04.10.2016 постановлением судьи Ф...ского районного суда г. Иваново адвокат З. был назначен осуществлять защиту по уголовному делу по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Вынесение постановления о назначении защитника было связано с неявкой в судебное заседание 29.09.2016 адвоката по соглашению Б., который представил сообщение об очередном отпуске до 06.10.2016. 04.10.2016 адвокат З. заявил ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела, которое было удовлетворено. 10.10.2016 К. заявил отвод защитнику З., т.к. его интересы представлял адвокат по соглашению Б., который присутствовал в судебном заседании. Адвокат З. согласно представленному протоколу судебного заседания ходатайство К. поддержал. Суд отказал в удовлетворении ходатайства К. об отводе адвоката и продолжил рассмотрение уголовного дела. Адвокат Б. заявил ходатайство об отводе судьи, которое адвокат З. поддержал. В удовлетворении ходатайства было отказано, суд продолжил рассмотрение уголовного дела. 13.10.2016 К. повторно заявил ходатайство об отводе адвоката З., мотивируя его неспособностью адвоката З. оказать ему, то есть К., квалифицированную юридическую помощь и недоверием к адвокату. Адвокат З. по заявленному ходатайству полагался на усмотрение суда. Суд отказал в удовлетворении ходатайства и продолжил рассмотрение уголовного дела по существу с двумя защитниками, по соглашению и по назначению.

Апелляционную жалобу адвокат З. в интересах К. не приносил, в СИЗО -1 г. Иваново осужденного К. не посещал. В представленных материалах отсутствуют сведения о том, что К. отказывается от услуг адвоката З. на принесение в его интересах апелляционной жалобы.

Апелляционная жалоба в интересах К. на вынесенный в отношении него приговор была принесена адвокатом по соглашению Б.

Совет палаты согласился с выводами квалификационной комиссии о том, что в части обжалования приговора адвокат З. нарушений не допустил, так как подача адвокатом-защитником апелляционной жалобы не является самоцелью, а должна обеспечить реализацию гарантированного обвиняемому ст. 48 Конституции РФ права на получение квалифицированной юридической помощи как составной части обеспечения права обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ). Жалоба была подана в срок защитником по соглашению Б. Также обращает на себя внимание непоследовательность позиция К., при которой он с одной стороны, адвокату З. не

доверяет и сомневается в его квалификации, с другой стороны - высказывает несогласие с действиями адвоката З. относительно непринесения последним в его интересах апелляционной жалобы.

Совет АПИО согласился и с выводом квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката каких-либо нарушений Закона и Кодекса в части его позиции по ходатайству К. об отводе защитника в судебном заседании, заявленному 13.10.2016. Адвокат против ходатайства не высказывался.

Проанализировав доказательства, представленные участниками дисциплинарного производства на основе принципов состязательности и равенства прав участников дисциплинарного производства, с учетом установленных в ходе рассмотрения дисциплинарного дела обстоятельств Совет палаты решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката З. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат не исполнил свои профессиональные обязанности добросовестно и квалифицированно, поскольку было установлено, что он не ознакомился с протоколом судебного заседания и, как следствие, не принес замечания на этот протокол; не подготовил и не подал апелляционную жалобу на приговор суда в отношении его подзащитной, хотя был обязан это сделать.

Распоряжением Президента АПИО от 9 февраля 2017 г. было возбуждено дисциплинарное производство на основании жалобы гр. Ч. в отношении адвоката К. 06 марта 2017 г. в отношении указанного адвоката К. распоряжением Президента АПИО было возбуждено еще одно дисциплинарное производство по жалобе гр. Б.

На основании п. 2.1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, квалификационная комиссия приняла решение об объединении в одно указанных дисциплинарных производств, как возбужденных в отношении одного адвоката – К. и в связи с тем, что предметом обоих производств являются одни обстоятельства и действия (бездействие) адвоката, по одному уголовному делу, в отношении одной подзащитной.

В жалобах указано, что адвокат К. недобросовестно отнёсся к выполнению своих профессиональных обязанностей, не ознакомился с протоколом судебного заседания, не подал на него замечания, а также не обжаловал приговор суда в апелляционном порядке, хотя суд не согласился с позицией адвоката и подзащитного и назначил наказание за более тяжкое преступление.

Рассмотрев представленные материалы, квалификационная комиссия пришла к выводу, что согласно положениям статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат, принявший поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда (пункт 2). Адвокат защитник обязан обжаловать приговор, в том числе, если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату (пункт 4).

Указанные нормы прямо предписывали и обязывали адвоката К. обжаловать приговор суда от 5 декабря 2016 года в отношении подзащитной Б. путем подачи апелляционной жалобы.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат К. не оспаривал факт неознакомления с протоколом судебного заседания по уголовному делу и неподдачи апелляционной жалобы на приговор, фактически признав соответствующие доводы жалоб.

Совет палаты согласился с заключением квалификационной комиссии о том, что адвокат К. при защите обвиняемой Б. нарушил подп. 1 п.1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п.п. 2, 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку не исполнил свои профессиональные обязанности добросовестно и квалифицированно: не ознакомился с протоколом судебного заседания и, как следствие, не принес замечания на этот протокол; не подготовил и не подал апелляционную жалобу на приговор О...ского районного суда г. Иваново от 5.12.2016 года, хотя был обязан это сделать, отказавшись тем самым от принятой на себя защиты.

При избрании меры дисциплинарной ответственности Совет АПИО учел фактические обстоятельства допущенного адвокатом нарушения, тот факт, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, а также ходатайство адвокатов и сотрудников коллегии адвокатов, в которой адвокат К. является председателем коллегии; и применил к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Совет не признал дисциплинарным проступком действие (бездействие) адвоката, не высказавшего при обсуждении судом ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей подсудимому свое мнение по причине недостаточности времени для согласования с доверителем позиции защиты по данному вопросу.

Распоряжением президента АПИО от 28 ноября 2016 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К. на основании частного постановления судьи Ф-ского районного суда г. Иваново.

Из частного постановления следует, что адвокат К. осуществляла защиту С. по уголовному делу в суде. При рассмотрении ходатайства государственного обвинителя о продлении подсудимому С. меры пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 месяц С. отказался высказать свое мнение по поводу ходатайства, ссылаясь на свою неготовность и необходимость представления дополнительных материалов. Защитник К. в судебном заседании отказалась высказывать свое мнение относительно ходатайства, сославшись на единую с подзащитным позицию. По мнению суда, такая позиция защитника К. противоречит интересам подсудимого С., поскольку результатом рассмотрения ходатайства государственного обвинителя является либо продление срока содержания под стражей, либо изменение подсудимому меры пресечения на не связанную с лишением свободы. Срок содержания подсудимого под стражей истекал 11 сентября 2016 года в выходной день. Будучи осведомленной, что до 11.09.2016 года в любом случае будет решаться вопрос о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу либо ее изменении на более мягкую, защитник К. имела возможность разработать единую с подсудимым позицию в его интересах. При таких обстоятельствах суд посчитал, что действия адвоката К. противоречат ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которой при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Адвокатом К. представлена апелляционная жалоба на частное постановление, отзывы подсудимых на жалобу, выражающие согласие с позицией адвоката С., опрошенный по просьбе К. на заседании квалификационной комиссии, пояснил, что адвокат его позицию полностью поддержала, чем он удовлетворен, претензий к действиям адвоката не имеет, считает, что адвокат действовала правильно и в его интересах. Нарушения права на защиту по данному делу судебными актами не установлено.

По результатам рассмотрения дисциплинарного производства было установлено следующее.

Адвокат К. осуществляла защиту подсудимого С. по уголовному делу № ....., находящемуся в производстве Ф...ского районного суда гор. Иваново. В отношении С. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок которой истекал 11 сентября 2016 года

(воскресенье). В судебном заседании 8 сентября 2016 года (четверг) государственным обвинителем было заявлено ходатайство о продлении срока содержания С. под стражей на 1 месяц, то есть до 11 октября 2016 года. Подсудимый С. пояснил в судебном заседании, что не был заранее уведомлен о рассмотрении подобного ходатайства, просил предоставить время для подготовки к защите, поскольку УПК РФ предполагает уведомление о продлении меры пресечения не менее чем за трое суток. Председательствующим в судебном заседании был объявлен перерыв на 15 минут. После перерыва С. по аналогичным доводам, а также по мотиву отсутствия у него в судебном заседании ряда документов, судебной практики, постановлений Верховного Суда РФ, необходимости запроса медицинских документов, требующихся для рассмотрения вопроса о продлении меры пресечения, пояснил, что за предоставленное время не смог в полной мере сформулировать свою позицию, а также реализовать свое право на защиту. На предложение председательствующего высказать свою позицию по ходатайству государственного обвинителя, С. сообщил, что сформулировать позицию не может, времени было недостаточно. Защитник К. при обсуждении ходатайства государственного обвинителя пояснила, что ее подзащитным позиция не высказана, в связи с чем, во избежание нарушения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката она не имеет возможности высказаться по заявленному ходатайству, чтобы ее позиция не вступила в противоречие с позицией ее подзащитного. На предложение председательствующего согласиться либо не согласиться с прокурором, защитник К. сообщила, что не может либо согласиться, либо не согласиться. По результатам рассмотрения ходатайства государственного обвинителя, подсудимый С. был освобожден из-под стражи в зале суда.

Совет Адвокатской палаты Ивановской области согласился с выводами квалификационной комиссии о том, что адвокатом К. не допущено нарушений норм УПК РФ, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, обязывающих сторону защиты, в том числе и адвоката-защитника, в обязательном порядке высказываться относительно ходатайств, заявленных стороной обвинения по принципу, указанному в частном постановлении: «да» или «нет». Обращение подсудимого С. к защитнику К. не высказывать свое отношение относительно ходатайства государственного обвинителя о продлении ему срока меры пресечения не содержит в себе просьбу нарушения норм, как уголовно-процессуального законодательства, так и норм законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката, и относится к вопросу избрания тактики защиты, которую сторона защиты избирает самостоятельно и согласованно. Кроме того, указанные действия стороны защиты не создали каких-либо препятствий для осуществления правосудия при рассмотрении судом ходатайства государственного обвинителя.

Решением Совета палаты дисциплинарное производство в отношении адвоката К. было прекращено вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем, выраженные в письменной форме, возможны до принятия решения Советом и могут повлечь прекращение дисциплинарного производства (пункт 7 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Распоряжением исполняющего обязанности Президента АПИО от 22 марта 2017 г. на основании статей 20-21 Кодекса профессиональной этики адвоката, статьи 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства послужила жалоба гр. К. о ненадлежащем исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей и нарушении

им норм законодательства об адвокатуре, которые, по мнению заявителя, выразились в следующем:

1. Нарушены сроки подготовки искового заявления, определенные заявителем и адвокатом устным соглашением.
2. Адвокат сообщил заявителю ложные сведения о том, что исковое заявление зарегистрировано и подано в суд.
3. Заявитель на протяжении месяца не мог связаться по телефону с адвокатом, в последующем адвокат ответил по телефону в состоянии опьянения.
4. После телефонного разговора с заявителем адвокат ушел «на больничный».
5. На протяжении 5 месяцев адвокат не заключил с заявителем соглашение на оказание юридической помощи.

Не соглашаясь с доводами заявителя, адвокат М. сообщил, что никаких нарушений не допускал, при встрече с заявителем договорился о том, что в коллегии документы принесет супруга заявителя. Супруга заявителя впоследствии принесла ему копию предварительного договора купли-продажи жилого дома. Адвокат его изучил, дал консультацию по дальнейшим действиям, составил претензионное письмо, рассчитал сумму государственной пошлины и передал супруге заявителя реквизиты для оплаты государственной пошлины. Адвокат М. сообщил супруге заявителя, что за консультацию и составление претензионного письма заявитель должен заплатить ему 1500 рублей. Деньги позднее были переданы адвокату и была выписана квитанция. 02.03.2017 года супруга заявителя по телефону попросила адвоката вернуть копию договора купли-продажи и конверт с претензией. Адвокат в это время был на больничном и сказал, что документы супруге заявителя выдадут в коллегии. Позже ему председатель коллегии сообщила, что документы супруге заявителя забрала. По телефону сам заявитель 04.03.2017 года претензий к адвокату не высказывал. 04.03.2017 года адвокат встретился с супругой заявителя и вернул ей полученные ранее 1500 рублей.

К жалобе в АППО заявителем приложена жалоба, адресованная председателю В...ской коллегии адвокатов, датированная 02 марта 2017 года.

Адвокатом М. в материалы дисциплинарного производства помимо его письменного объяснения была представлена копия листка нетрудоспособности, копия квитанции о приеме 05 ноября 2016 года от К. 1500 рублей.

Квалификационной комиссией в В...ской коллегии адвокатов Ивановской области была запрошена дополнительная информация, и в материалах дисциплинарного производства имеется справка В...ской коллегии адвокатов о том, что 05 ноября 2016 года коллегией принимались денежные средства в сумме 1500 рублей от К. за юридическую консультацию и помощь в составлении претензионного письма. Указанные денежные средства были выплачены 01 декабря 2016 года, с учетом обязательных удержаний, адвокату М.

27 марта 2017 года Президенту Адвокатской палаты Ивановской области поступило заявление К. об отзыве жалобы, о прекращении дисциплинарного производства, об отсутствии претензий к адвокату М., указанное заявление приобщено к материалам дисциплинарного производства.

Отзыв жалобы, представления, обращения либо примирение адвоката с заявителем, выраженные в письменной форме, возможны до принятия решения Советом и могут повлечь прекращение дисциплинарного производства (пункт 7 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Установлено, что заявитель письменным заявлением отозвал поданную им жалобу в отношении адвоката, претензий к адвокату не имеет.

С учетом вышеизложенного, квалификационная комиссия не нашла препятствий для вынесения заключения о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе К., в связи с отзывом жалобы заявителем.

Совет палаты согласился с заключением квалификационной комиссии и в соответствии с

подп. 4 п. п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката решением от 26 мая 2017 г. прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката М. вследствие отзыва жалобы заявителем.

Участствовать в делах по назначению имеют право включенные в график адвокаты базовых и прикрепленных к ним адвокатских образований по принципу судебного района. Запрещено принимать участие в делах по назначению за пределами судебного района. За нарушение адвокатом указанного порядка к нему применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

29.08.2017 в Адвокатскую палату Ивановской области поступила информация Президента Адвокатской палаты Владимирской области Д. и жалоба гр. В. о нарушении адвокатом Н. положений закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Кодекса профессиональной этики адвоката, решений Совета ФПА РФ и АПВО. Вместе с данными документами в АПИО поступили копии ордеров №072 от 4 мая 2017 года, №132 от 19 июля 2017 года, №047 от 19 марта 2017 года, протокол судебного заседания от 22 июля 2017 года по делу №3/1-44/2017, и решение Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 06.09.2012 года по дисциплинарному производству в отношении адвоката Н., которым к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

05.09.2017 по результатам рассмотрения поступивших из Адвокатской палаты Владимирской области вышеуказанных документов, вице-президентом АПИО внесено представление о возбуждении в отношении адвоката Н. дисциплинарного производства, в связи с тем, что в действиях Н. усматривается нарушение требований п.п.1 п.1. п.п. 4 п. 1 ст. 7 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п.п. 1 ст. 8, п.п.9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката

05.09.2017 г. распоряжением Президента АПИО было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Н.

Согласно вышеуказанным документам, на основании которых было возбуждено дисциплинарное производство, ненадлежащее исполнении своих профессиональных обязанностей и нарушении норм законодательства об адвокатуре адвокатом Н., выразилось в следующем:

1. Адвокат Н. 19.07.2017 принял участие в качестве защитника на предварительном следствии по уголовному делу в отношении В. по назначению следователя 2 отдела СУ УМВД России по г. Владимиру, не будучи адвокатом АПВО, указывая местом осуществления адвокатской деятельности г. Владимир. Соглашения с Н. ни В., ни его родственники не заключали. Н. является адвокатом АПИО, поэтому он не мог осуществлять защиту В. по назначению, чем нарушил права В. на защиту.

2. Адвокат Н. 04.05.2017 и 19.03.2017 принял участие в качестве защитника И. по назначению следователя УМВД РФ по г. Владимиру, не будучи адвокатом АПВО, указывая местом осуществления адвокатской деятельности г. Владимир.

3. Адвокат Н. является членом АПИО, его адвокатский кабинет входит в реестр адвокатских образований Ивановской области. В ордерах по уголовным делам в отношении В. и И. местом осуществления адвокатской деятельности указан г. Владимир. Графа «основание выдачи ордера» не заполнена в ордере в нарушение Приказа МЮ № 47 от 10.04.2013 «Об утверждении формы ордера».

4. В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ назначение защитника должно происходить в порядке, определенном Советом ФПА РФ. В соответствии с решением ФПА от 20.04.2017 порядок участия адвокатов в уголовных делах по назначению устанавливается советами палат субъектов до принятия такого порядка ФПА РФ. В соответствии с п. 2.2 и 2.3 «Положения о

порядке участия адвокатов Ивановской области в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», утвержденного решением Совета АПИО от 31.05.2017, участвовать в делах по назначению имеют право включенные в график адвокаты базовых и прикрепленных к ним адвокатских образований по принципу судебного района. Запрещено принимать участие в делах по назначению за пределами судебного района. В соответствии с п.2.6 Положения адвокат не вправе принимать на себя защиту по рекомендации дознавателя, следователя или судьи, а также по собственной инициативе. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятый 20.04.2017 восьмым Всероссийским съездом адвокатов, определяет, что основанием для осуществления защиты является соглашение либо постановление о назначении.

Адвокат Н. является членом АПИО с 21.12.2016 г., адвокатскую деятельность осуществляет в адвокатском кабинете.

Адвокат Н., в ходе дисциплинарного производства не согласился с наличием в его действиях нарушений требований законодательства об адвокатуре, указав, что по обоим уголовным делам с ним были заключены соглашения, а местом осуществления своей деятельности в ордерах он указывал г. Владимир с целью направления почтовой корреспонденции, поскольку временно проживает во Владимире.

По результатам рассмотрения дисциплинарного производства было установлено следующее.

В реестре адвокатов АПИО адвокат Н. состоит с 28.12.2016 г. В настоящее время временно проживает в г. Владимир, где и осуществляет свою адвокатскую деятельность, ведёт приём граждан, получает почтовую корреспонденцию. В г. Иваново адвокатской деятельности не ведёт. Адвокат Н. 19.07.2017 принял участие в качестве защитника на предварительном следствии по уголовному делу в отношении В. во 2-м отделе СУ УМВД России по г. Владимиру, не являясь адвокатом АПВО, указывая в ордере местом осуществления адвокатской деятельности г. Владимир, без заполнения графы «основание выдачи ордера». При этом адвокат не имел надлежащим образом заключённого соглашения по делу. Адвокат Н. 04.05.2017 и 19.03.2017 принял участие в качестве защитника И. по уголовному делу в УМВД РФ по г. Владимиру, не являясь адвокатом АПВО, указывая в ордере местом осуществления адвокатской деятельности г. Владимир, без заполнения графы «основание выдачи ордера» и не имея заключённого по делу соглашения.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера по назначению или соглашению, т.е. ордер может быть выдан адвокату после получения поручения, которым является либо соглашение, либо требование дознавателя, следователя или суда. Три ордера, представленные в материалы дисциплинарного производства, выписаны адвокатом Н. до того, как с ним были заключены соглашения на представление интересов И. и В. Указанное обстоятельство подтвердил сам адвокат Н. То есть, адвокат Н. выдал себе ордер и предъявил его следователю, не имея поручения на участие в следственных действиях по соглашению.

Участвовать в следственных действиях по назначению Н. не мог, так как требование следователя ему не направлялось и направляться не могло в силу того, что Н. не является адвокатом Адвокатской палаты Владимирской области. В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ назначение защитника должно происходить в порядке, определенном Советом ФПА РФ. В соответствии с решением ФПА от 20.04.2017 порядок участия адвокатов в уголовных делах по назначению устанавливается советами палат субъектов до принятия такого порядка ФПА РФ. В соответствии с п. 2.2 и 2.3 «Положения о порядке участия адвокатов Ивановской области в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», утвержденного решением Совета АПИО от 31.05.2017, участвовать в делах по назначению имеют право включенные в график адвокаты базовых и прикрепленных к ним адвокатских образований по принципу судебного района. Запрещено принимать участие в делах по назначению за пределами судебного района. В соответствии с п.2.6 Положения адвокат не вправе принимать на себя защиту по рекомендации дознавателя, следователя или судьи, а также по собственной инициативе. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве,

принятый 20.04.2017 восьмым Всероссийским съездом адвокатов, определяет, что основанием для осуществления защиты является соглашение либо постановление о назначении.

В ордерах, представляемых Н. по вышеуказанным уголовным делам, местом осуществления адвокатской деятельности указывался г. Владимир, а графа «основание выдачи ордера» не заполнялась в нарушение Приказа МЮ № 47 от 10.04.2013 «Об утверждении формы ордера».

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п.1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами. В соответствии с п.4 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» п.6 ст.15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов, принятых в пределах их компетенции. Адвокат Н. не имел права осуществлять защиту В. и И. на предварительном следствии в правоохранительных органах Владимирской области по назначению органов дознания и предварительного следствия, поскольку не являлся адвокатом Адвокатской палаты Владимирской области. Соглашения об оказании юридической помощи по указанным уголовным делам с ним не заключались.

Совет АПИО согласился с выводами квалификационной комиссии о том, что адвокат Н. нарушил требования пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п.п. 1 ст. 8, п.п.9 п.1 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При избрании меры дисциплинарной ответственности Совет АПИО учел, что допущенные адвокатом нарушения носили неоднократный характер и тот факт, что действия адвоката Н. не только нарушили законные интересы доверителя, но и подорвали авторитет адвокатуры в целом. Также Совет учел, что адвокат Н., ранее являясь адвокатом Адвокатской палаты Владимирской области, уже привлекался к дисциплинарной ответственности за аналогичное нарушение, и, согласно решению Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 06.09.2012 года, к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Советом АПИО учтен и факт непризнания адвокатом наличия в его действиях нарушений Федерального Закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Кроме того, Совет учел, что адвокат Н. хотя и является членом Адвокатской палаты Ивановской области и его кабинет состоит в реестре адвокатских образований Ивановской области, однако при этом фактически адвокат осуществляет адвокатскую деятельность в г. Владимир.

Решением от 27 октября 2017 г. Совет признал наличие в действиях (бездействии) адвоката Н. нарушения требований п.п.1, 4 п.1 ст. 7 Федерального Закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п.п.1 ст. 8, п.п.9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и применил к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Неявка адвоката в судебные процессы без уважительных причин и неуведомление судов адвокатом заблаговременно о причинах своей неявки повлекли срывы судебных заседаний, неоправданное затягивание судебных процессов и нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. Такие действия (бездействие) адвоката образуют состав дисциплинарного проступка и влекут дисциплинарную ответственность.

Распоряжением президента АПИО от 28 ноября 2016 г. было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С.

Поводом послужило частное постановление судьи С...ского районного суда гор. Иваново от 22.09.2016 г., из которого следует, что С...ским районным судом г. Иваново рассмотрено

уголовное дело по обвинению Б., интересы которого в период предварительного следствия представлял адвокат ИГКА №... С., в связи с чем адвокату С. было направлено требование о явке в судебное заседание 21 сентября 2016 года на 9 часов 30 минут. В указанный день и время подсудимый Б. и адвокат С. в судебное заседание не явились; постановлением суда дело слушанием отложено на 22 сентября 2016 года по причине неявки подсудимого и защитника; неявка адвоката С. в судебное заседание в установленное время расценивается судом как нежелание добросовестно исполнять обязанность по защите прав подсудимого Б. в судебном заседании, при том, что стороной обвинения заявлялось ходатайство об объявлении Б. в розыск и об изменении ему меры пресечения, которое судом было отклонено.

Из письменных и устных объяснений адвоката С. в ходе дисциплинарного производства следует, что он не явился в судебное заседание по уголовному делу Б. 21.09.2016 г. к 9.30 час., о котором был надлежаще извещен, по причине того, что «у него сбились часы в мобильном телефоне – самопроизвольно изменился часовой пояс на час назад»; «телевизора и настольных часов у него нет»; в этот день, примерно в 9.30 час. ему на мобильный телефон позвонил помощник судьи П., от которого он узнал о действительном времени, сообщил причину задержки и просил его подождать; прибыл в суд в 9.50 час. (уже после окончания судебного заседания); в судебное заседание не явился подсудимый Б., в связи с неявкой которого судебное заседание было отложено на 22 сентября 2016 г.; от принятой на себя защиты Б. он не отказывался, в данной части его позиция была разделена апелляционной инстанцией Ивановского областного суда; считает, что 21.09.2016 г. не явился в судебное заседание «скорее по техническим причинам», о чем он очень сожалеет, впредь подобного обязуется не допускать. Адвокат С. признал, что срыв судебного заседания 21.09.2016 г. по уголовному делу Б. произошел по его вине.

При этом адвокат С. не представил доказательств, подтверждающих уважительность причины неявки в указанное судебное заседание, и доказательств, подтверждающих невозможность заблаговременно уведомить об этом суд. Ссылка адвоката на произошедший "сбой" имевшихся у него часов к уважительным причинам неявки не относится.

Факты, изложенные в обращении судьи С...ского районного суда гор. Иваново от 22.09.2016 г., свидетельствующие о том, что по вине адвоката С. был допущен срыв судебного заседания, повлекший затягивание процесса уголовного судопроизводства, нашли свое подтверждение.

Кроме того, следует отметить, что неявка в судебное заседание 21.09.2016 г. подсудимого Б. не освобождала от явки в данное судебное заседание адвоката С. В отсутствие защитника подсудимого суд был лишён возможности принять какое-либо значимое процессуальное решение в отношении не явившегося Б., в том числе и рассмотреть ходатайство государственного обвинителя об изменении Б. меры пресечения и объявлении его в розыск.

В период рассмотрения вышеуказанного дисциплинарного производства распоряжением президента АПИО от 09 января 2016 г. в отношении адвоката С. на основании частного постановления судьи Ивановского областного суда от 07.12.2016 г. было возбуждено еще одно дисциплинарное производство, объединенное в последствии с первоначальным.

Из указанного частного постановления следует, что Ивановским областным судом на 01 декабря 2016 года в 15.00 час. было назначено рассмотрение апелляционных жалоб по уголовному делу гр. Б.; 11 ноября 2016 года адвокату С. было направлено соответствующее извещение о времени и месте рассмотрения в апелляционном порядке уголовного дела, обращено внимание на обязательность явки в судебное заседание адвоката и необходимость посещения им в следственном изоляторе осуждённого для оказания последнему юридической консультации.

Однако в назначенное на 01.12.2016 г. в 15.00 судебное заседание адвокат С. не явился; в 15 часов 25 минут путём факсимильной связи от адвоката С. поступило ходатайство об отложении судебного заседания в связи с занятостью в других делах - в 15.30 по гражданскому делу, рассматриваемому в С...ском районном суде г. Иваново, и в 16.00 по уголовному делу в отношении Б-ва., рассматриваемому мировым судьёй судебного участка №... С...ского района г. Иваново; также в своём ходатайстве адвокат сообщал о необходимости предоставления ему дополнительного времени для подготовки к судебному разбирательству и для согласования его

позиции с осуждённым Б., которого он не смог посетить в следственном изоляторе в связи со своей занятостью в других делах и загруженностью следственных кабинетов СИЗО;

При имевшихся обстоятельствах суд апелляционной инстанции был вынужден отложить рассмотрение дела на более позднее время.

Из письменных объяснений адвоката С. следует, что извещение о назначении судебного заседания поступило в ИГКА №... 15.11.2016 года; о назначении указанного судебного заседания и о необходимости посетить осужденного в СИЗО-1 г. Иваново ему стало известно 24.11.2016 года, до этого момента о судебном заседании он не знал, поскольку не посмотрел общеколлегиальную почту; в этот же день, то есть 24.11.2016 г., он принимал участие в рассмотрении гражданского дела в С...ском районном суде г. Иваново, разбирательство по которому было на 01.12.2016 г. на 15.30 час.; при отложении дела он еще не знал о том, что 01.12.2016 г. в 15-00 часов в Ивановском областном суде назначено к рассмотрению дело в отношении Б.; сразу после того, как ему стало известно о необходимости посетить Б. в СИЗО-1 г. Иваново, то есть после 24.11.2016 г., он стал предпринимать попытки посетить его в СИЗО; но не смог в связи с занятостью в других делах и загруженностью следственных кабинетов СИЗО-1 в последние дни месяца; в связи с указанными обстоятельствами он не смог явиться в судебное заседание в Ивановский областной суд 01.12.2016 г. в назначенное время и попросил суд отложить рассмотрение дела на другой день, о чем сообщил суду; 01.12.2016 г. он в 15.30 час. принял участие в рассмотрении отложенного ранее гражданского дела в С...ском районном суде, которое с перерывами продолжалось примерно до 17.30 час.; в судебное заседание 01.12.2016 года в Ивановский областной суд он не явился, о чем очень сожалеет. Дополнительно адвокат С. также пояснил, что 01.12.2016 г. он должен был принять участие в нескольких судебных заседаниях: в 15 час.00 мин. – в Ивановском областном суде по делу Б., в 14.00 час. – у мирового судьи судебного участка №... С...ского района г. Иваново по обвинению С-ва; в 16.00 час. – у мирового судьи судебного участка №... С...ского района г. Иваново по обвинению Б-ва. В связи с указанными обстоятельствами адвокат С. не смог явиться в судебное заседание в Ивановский областной суд 01.12.2016 года и попросил суд отложить рассмотрение дела на другой день, о чем сообщил суду.

На заседании квалификационной комиссии адвокат С. доводы, изложенные в своих письменных объяснениях, полностью поддержал, дополнительно пояснив, что около 11 часов утра 01.12.2016 г. он позвонил помощнику судьи В. в Ивановский областной суд, которому сообщил о невозможности явиться в судебное заседание в связи с занятостью в другом процессе; сообщение о невозможности явиться в судебное заседание им было направлено факсимильной связью в Ивановский областной суд 01.12.2016 г. около 14 час. 30 мин., что подтверждается детализацией телефонных соединений, которую он просит приобщить к материалам дисциплинарного производства; при этом адвокат С. признал, что срыв судебного заседания 01.12.2016 г. по уголовному делу Б. произошел по его вине, обязался впредь не допускать подобных нарушений.

Из сообщения председателя ИГКА №... следует, что поступившие из судов требования регистрируются в «Журнале входящей корреспонденции ИГКА №...» и помещаются в специальную папку «Почта», просматривая которую, адвокаты получают информацию о своей занятости.

Проанализировав и оценив собранные и исследованные доказательства, квалификационная комиссия в Заключении пришла к следующим выводам.

Факты, изложенные в обращении судьи Ивановского областного суда от 07.12.2016 г., свидетельствующие о том, что по вине адвоката С. был допущен срыв судебного заседания, повлекший затягивание процесса уголовного судопроизводства, нашли свое подтверждение.

Извещение о назначении рассмотрения в Ивановском областном суде уголовного дела Б. на 01.12.2016 г. в 15.00 час. было получено в ИГКА № ... 15.11.2016 г. и помещено в общеколлегиальную почту и с указанной даты было доступно для ознакомления адвокатом С., каких-либо объективных препятствий для такого ознакомления в период до 24 ноября 2016 года не установлено.

Назначение судебного заседания на 1 декабря 2016 года в 15 час. 30 мин. по гражданскому делу в ...ском районном суде г. Иваново с участием адвоката С. состоялось лишь 24.11.2016 г., то есть по истечении более семидневного периода нахождения указанного извещения

Ивановского областного суда в ИГКА №... в условиях доступности для ознакомления адвоката с данным извещением.

Кроме того, следует отметить, что судебное заседание в Ивановском областном суде было назначено на 15.00 час.; судебное же заседание, на которое в обоснование своего ходатайства ссылался адвокат, было назначено на 15.30 час., что свидетельствует об отсутствии у адвоката С. объективных препятствий для прибытия в судебное заседание Ивановского областного суда в указанное время.

О невозможности своего участия в судебном заседании в 15.00 час. 1 декабря 2016 года и наличии у него ходатайства об отложении рассмотрения дела, адвокат С. сообщил в суд путём факсимильной связи лишь спустя 25 минут после назначенного времени начала рассмотрения дела; при этом представленные материалы, а также данные адвокатом С. пояснения не содержат сведений о наличии объективных препятствий для заблаговременного сообщения адвокатом о невозможности своего участия в деле 1 декабря 2016 года.

При этом, нет оснований не доверять данным частного постановления о времени поступления в Ивановский областной суд сообщения о занятости адвоката С., а именно: 1 декабря 2016 г. в 15 час. 25 мин..

Совет соглашается с мнением комиссии, что не имеют какого – либо правового значения утверждения адвоката С. об информировании им утром 1 декабря 2016 г. помощника судьи В. Ивановского областного суда о невозможности прибыть в судебное заседание, а также направление им сообщения около 14 час. 30 мин., поскольку в любом случае, указанные действия не могут быть признаны заблаговременным уведомлением суда о невозможности явки в судебное заседание.

Своё надлежащее извещение о времени и месте указанного судебного заседания адвокат С. не оспаривал, однако в 15.00 час. 1 декабря 2016 года в судебное заседание он не явился, что подтверждается материалами дисциплинарного производства, данное обстоятельство не оспаривается и самим адвокатом.

При этом, адвокат С. не представил в квалификационную комиссию доказательств, подтверждающих уважительность причины неявки в указанное судебное заседание, и доказательств, подтверждающих невозможность заблаговременно уведомить об этом суд.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

В соответствии со ст. 12 КПЭА, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и к лицам, участвующим в деле.

В соответствии с п. 1 ст. 14 КПЭА при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

Таким образом, адвокат С. проявил неуважение к суду: достоверно зная о дате и времени судебных заседаний по уголовному делу в отношении Б., назначенных на 9.30 час. 21.09.2016 г. в С...ском районном суде г. Иваново и в 15.00 час. 01.12.2016 г. в Ивановском областном суде, в судебные процессы не явился, без уважительных причин, заблаговременно не уведомив суды о причинах своей неявки, в связи с чем вышеуказанные судебные заседания были сорваны, что повлекло неоправданное затягивание судебных процессов и нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

На основании изложенного, квалификационная комиссия АПИО пришла к выводу о наличии в действиях (бездействии) адвоката С. нарушений норм: п.п. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 12, п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На заседании Совета адвокат С. подтвердил ранее данные им объяснения, признал вину в срыве судебных процессов, заверил Совет, что не допустит впредь подобных нарушений и просил строго его не наказывать.

Совет палаты согласился с выводами Квалификационной комиссии и за совершенные адвокатом С. дисциплинарные проступки решением Совета от 03.03.2017 г. к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Несмотря на неоднократные требования судьи вести себя в судебном заседании в соответствии с нормами адвокатской этики и требованиями ст. 158 ГПК РФ, адвокат нарушала установленный порядок поведения в процессе: повышала голос и на замечания судьи не реагировала, что привело к невозможности дальнейшего рассмотрения гражданского дела и срыву судебного заседания. Такое поведение адвоката повлекло применение мер дисциплинарной ответственности.

Распоряжением президента АПИО от 22 мая 2017 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ф. Поводом для возбуждения дисциплинарного производства явилось обращение судьи Ф...ского районного суда гор. Иваново о том, что в судебном заседании по гражданскому делу № 2-... 10.05.2017 г. адвокат Ф., представлявшая по доверенности интересы ответчика С., заявила ходатайство об осмотре судом подлинников актов о неучтенном потреблении электроэнергии за 2016 год; ходатайство было удовлетворено; представитель истца К. развернула на столе папку с документам. В этот момент адвокат Ф. попыталась выхватить у нее подлинники актов, а когда К. не позволила ей это сделать, стала кричать и ударила К. рукой по правой руке, продолжая кричать; все это происходило в судебном заседании, в присутствии судьи и секретаря судебного заседания; на замечание судьи адвокат Ф. не реагировала; после этих действий судебное заседание было прервано, отложено на другую дату; поведение адвоката Ф. в судебном заседании суд счел недопустимым, не соответствующим этическим правилам поведения адвоката, что привело к срыву судебного заседания.

Из протокола судебного заседания по гражданскому делу № 2-... от 10.05.2017 г. (судебное заседание открыто в 9.00 часов и закрыто в 9 часов 20 минут), изготовленного и подписанного судьей и секретарем 12.05.2017 г., следует, что когда представитель истца К. выложила на стол папку с документами, представитель ответчика Ф. попыталась выхватить у нее акты, К. задержала руку Ф.; в ответ на просьбу К., обращенную к суду, сделать замечание представителю ответчика, которая пыталась выхватить документы и могла порвать их при выдергивании, Ф. закричала: «А Вы покажите, что там под скрепкой – то ...Суд обманываете! Монополисты!»; судья предупреждает адвоката Ф. о недопустимости такого поведения в судебном заседании, просит прекратить кричать; Ф., обращаясь к суду, кричит: « Им делайте замечания, думают, что им все можно!»; судья требует от Ф. прекратить кричать и вести себя соответствующим образом, напоминает об адвокатской этике и правилах поведения в судебном заседании по ст. 158 ГПК РФ; Ф.: «Ей делайте замечания, а не мне, она меня по руке ударила»; Ф. продолжает бессвязно кричать, подходит к К. и с криком: «Я Вас тогда тоже ударю» наносит удар правой рукой по правой руке в области запястья и кисти К.; судья прерывает судебное заседание, в зал судебного заседания вызваны приставы по ОУПДС; Ф. объявлено о том, что о ее поведении в судебном заседании будет направлено сообщение в АПИО; Ф. кричит: «Ну и направляйте, и на нее тоже сообщение направьте!»; суд, совещаясь на месте, определил: в связи с нарушением порядка в судебном заседании представителем ответчика Ф. и невозможностью дальнейшего проведения судебного заседания в соответствии с ч. 5 ст. 159 ГПК РФ, прекратить слушание дела в этом судебном заседании и отложить слушание дела, назначить судебное заседание на 01.06.2017 года.

В соответствии с заявлением адвоката Ф. от 19.05.2017 г. о принесении замечаний на протокол судебного заседания от 10.05.2017 г., 10 мая текущего года ею факсом было подано заявление об ознакомлении с ПСЗ от той же даты, 15.05.2017 г. она ознакомилась с делом; при изучении протокола ею были выявлены неполнота фактов, нарушение очередности событий и пояснений, пропуски информации, искажение фактических обстоятельств. Ф. просила предоставить ей возможность прослушать «аудиозапись протокола» и удостоверить правильность ее замечаний на протокол судебного заседания. Из сообщения судьи Ф...ского районного суда гор. Иваново от 04.07.2017 г. следует, что аудиозапись судебного заседания не велась. В соответствии с определением судьи Ф...ского районного суда гор. Иваново от

24.05.2017 г., суд не нашел оснований для удостоверения правильности замечаний представителя ответчика адвоката Ф. на протокол судебного заседания от 10.05.2017 г., в связи с чем они были отклонены.

Из письменных пояснений адвоката Ф. от 22.05.2017 года следует, что 10.05.2017 года судом неоднократно отклонялись ее обоснованные ходатайства, представитель истца К. повышала на нее голос, перебивала, вела себя агрессивно; после того как она, адвокат Ф., указала судье на исправление в актах, «указательным пальцем левой руки подвинув чуть – чуть скрепку», К. ударила ее по кисти левой руки своей правой рукой, схватив со стола судьи документы; она спросила К.: «Вы почему меня ударили?», вместо извинений, та стала на нее нападать, на повышенных тонах говоря, что она не имеет права касаться ее документов; она была уверена, что судья видела, как К. ее ударила, что она даже не пыталась взять акты, что К. схватила их со стола; она была заинтересована в сохранности актов и в приобщении их к материалам дела; а К., напротив, была заинтересована прекратить осмотр актов и забрать их себе; она заявила ходатайство о внесении в протокол судебного заседания сведений о том, что К. ударила ее по руке и просила сделать ей замечание, на что судья ответила, что ничего не видела; тогда она сказала : «Давайте я вот также ударю, как она ударила» и показала на себе, символически хлопнула ладонью левой руки по своей правой кисти руки, поскольку левая кисть у нее уже болела от удара, нанесенного К., поэтому она показала на правой руке; после того, как она и К. сели на свои места, та опять стала «нападать», заявляя, что она, то есть Ф., ее ударила по руке; в ответ она сказала « Вы что, забыли, что это Вы меня ударили?», сразу же после этого судья объявила заседание закрытым, сказав в ее, то есть Ф., адрес: «Я на Вас напишу», на что она ответила: «Только прошу, напишите правду, что она меня ударила, на нее напишите об этом»; от пережитого волнения у нее стало плохо с сердцем, подскочило давление, она поехала в травмпункт за медицинской помощью; где ей было назначено лечение кисти левой руки и предложен больничный; второй раз была на приеме у врача 16.05.2017 года, обоими врачами диагностировано, что перелома нет, имеется ушиб кисти левой руки, рекомендованы лекарственные и тепловые процедуры, в течение недели она лечила руку, принимала медикаменты; кроме того, в сообщении судьи имеются противоречия: указано, что К. развернула на столе папку с документами (т. е., папка лежала на столе у судьи), и в тоже время указано, что Ф. пыталась выхватить у нее подлинники документов; судья не делала ей никаких замечаний; полагает, что события, описанные в сообщении суда, составлены под влиянием и со слов К., в защиту ее интересов и неправомερных действий. В соответствии со справкой травмпункта № 2 при ГКБ № 7 , Ф. была на приеме 10.05.2017 года по поводу травмы, указан диагноз: «Ушиб левой кисти», назначено амбулаторное лечение с 10. 05. по 16. 05. 2017 года.

На заседании квалификационной комиссии адвокат Ф. доводы, изложенные в своих письменных объяснениях, в целом поддержала, признав при этом, что вела себя в процессе излишне эмоционально, так как была возмущена действиями представителя истца К. и председательствующего судьи по делу, что, безусловно, нарушало порядок в судебном заседании.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что факты, изложенные в обращении судьи Ф...ского районного суда гор. Иваново от 10.05.2017 г., нашли свое частичное подтверждение. Как было установлено в ходе разбирательства, адвокат Ф., участвуя в качестве представителя ответчика, нарушала порядок в судебном заседании, установленный ст. 158 ГПК РФ, что явилось причиной срыва судебного заседания.

В частности, в судебном заседании адвокат Ф. в адрес представителя истца К. закричала следующее: «А Вы покажите, что там под скрепкой – то ...Суд обманываете! Монополисты!». В ответ на предупреждение судьи о недопустимости такого поведения в судебном заседании и просьбу прекратить кричать; адвокат Ф. не только не прекратила нарушать порядок в судебном заседании, но, обращаясь к суду, вновь кричала. Судья вновь потребовала от адвоката Ф. прекратить кричать и вести себя соответствующим образом, напомнив при этом об адвокатской этике и правилах поведения в судебном заседании по ст. 158 ГПК РФ; данному требованию судьи адвокат Ф. также не подчинилась, продолжая кричать в адрес судьи: «Ей делайте замечания, а не мне ...». В связи с нарушением адвокатом Ф. порядка в судебном заседании судья вынуждена была прервать судебное заседание и вызвать в зал судебного заседания

приставов по ОУПДС. Суд, совещаясь на месте, определил: в связи с нарушением порядка в судебном заседании представителем ответчика Ф. и невозможностью дальнейшего проведения судебного заседания в соответствии с ч. 5 ст. 159 ГПК РФ, прекратить слушание дела в этом судебном заседании и отложить слушание дела. В соответствии с ч. 3, 5 ст. 158 ГПК РФ, судебное разбирательство происходит в условиях, обеспечивающих надлежащий порядок в судебном заседании и безопасность участников процесса; участники процесса и все присутствующие в зале судебного заседания граждане обязаны соблюдать установленный порядок в судебном заседании.

Таким образом, несмотря на неоднократные требования судьи вести себя в судебном заседании в соответствии с нормами адвокатской этики и правилами поведения в судебном заседании, установленными ст. 158 ГПК РФ, адвокат Ф. продолжала нарушать установленный порядок поведения в процессе: повышала голос и на замечания судьи не реагировала. Подобное поведение адвоката Ф. привело к невозможности дальнейшего рассмотрения гражданского дела и срыву судебного заседания. Кроме того, адвокат Ф. в ходе разбирательства на заседании квалификационной комиссии фактически признала, что нарушала порядок в судебном заседании, связывая свое поведение с обстоятельствами рассмотрения гражданского дела и со своим эмоциональным состоянием.

Вместе с тем, комиссия полагает, что установление факта и обстоятельств нанесения адвокатом Ф. удара К. не может являться предметом разбирательства в ходе дисциплинарного производства, поскольку это выходит за рамки компетенции квалификационной комиссии и является предметом административного судопроизводства.

При этом комиссия не согласилась с доводами адвоката Ф. о том, что изложенные в протоколе судебного заседания факты, свидетельствующие о нарушении ею порядка в судебном заседании, не соответствуют действительности, поскольку у комиссии нет оснований не доверять данному источнику доказательств и ставить под сомнение зафиксированные в нем факты.

Совет АПИО согласился с выводами Квалификационной комиссии о том, что адвокат Ф. нарушила требования п.п. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, и решением от 25.08.2017 г. применил к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Согласно п. 4 ст. 24 КПЭА Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, а равно выходить за пределы жалобы, представления, обращения и заключения квалификационной комиссии. С учетом указанного положения Совет палаты, усмотрев неполноту установленных квалификационной комиссией фактических обстоятельств по дисциплинарному производству, принял решение о направлении данного дисциплинарного производства квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Распоряжением Президента АПИО от 27 июня 2017 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ю. по жалобе гр. А. о ненадлежащем исполнении адвокатом Ю. своих профессиональных обязанностей и нарушении ею норм законодательства об адвокатуре.

По мнению заявителя, нарушения адвоката Ю. выразились в следующем:

- участвуя в рассмотрении Ф...ским районным судом гор. Иванова гражданского дела № 2-.../16 в качестве его представителя, Ю., с ее же слов «забыла» про расписку, которую необходимо было приобщить к материалам дела, и которая подтверждала его доводы о несогласии с исковыми требованиями Ч., а затем «забыла» заявить ходатайство об экспертизе этой расписки;

- адвокат Ю. не допускала его, то есть А., в судебные заседания по данному делу, мотивируя это тем, что он своими объяснениями может испортить позицию своей стороны;

- Ю. не получила его согласия на предъявление к Ч. встречного искового заявления, охарактеризованного им «странным»;

- при рассмотрении вышеуказанного дела, как оказалось, Ю. оказывала ему юридическую помощь с целью получения конфиденциальной информации об имущественном положении его семьи, чтобы затем захватить его имущественные права;

- Ю, в силу того, что ранее представляла его интересы по названному делу, не вправе была принимать поручение о представительстве Ч. в ходе ныне рассматриваемого Ф...ским райсудом гор. Иванова гражданского дела № 2-.../17, поскольку имеется конфликт интересов А. и Ч.

С учетом изложенного, полагая, что адвокатом Ю. были нарушены нормы законодательства об адвокатуре и его права, как доверителя адвоката, просил привлечь Ю. к дисциплинарной ответственности.

В своих объяснениях, данных в ходе заседания квалификационной комиссии и Совета, заявитель и его представитель поддержали вышеприведенные доводы.

В своих письменных объяснениях, а также в ходе заседания квалификационной комиссии адвокат Ю., не согласившись с этими доводами, сообщила, что никаких нарушений при оказании юридической помощи А. не допускала, выполняла свои обязанности надлежащим образом в рамках принятых на себя обязательств; поскольку судебные споры, в которых она участвовала и ныне участвует, совершенно различны, несмотря на совпадение в них сторон (А. и Ч.), никаких запретов на представление интересов Ч. действующее законодательство применительно к таким случаям не содержит (что подтверждено сложившейся дисциплинарной практикой АПИО), а потому она вправе была принять на себя поручение по оказанию юридической помощи последнему.

Заслушав объяснения участников дисциплинарного производства, исследовав его материалы и обсудив доводы жалобы, квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, установила следующее:

Бесспорно установлено, что адвокат Ю. в ходе рассмотрения Ф...ским районным судом гор. Иванова гражданского дела № 2-.../16 оказывала А. юридические услуги, связанные с представительством его интересов как ответчика по первоначальному иску и истца по встречному иску. Соответственно, между сторонами дисциплинарного производства возникли правоотношения, урегулированные действующим гражданским законодательством.

Согласно п. 3 ст. 10 ГК РФ, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. При таких обстоятельствах на заявителя жалобы, не согласного с поведением адвоката при выполнении своих обязанностей перед ним, а также с качеством оказанных адвокатом услуг, возлагается обязанность доказать обратное. Кроме того, на основании п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

В этой связи комиссия отметила, что в рамках рассмотрения данного производства сторона заявителя обязана была, но не представила объективных данных, достоверных и достаточных доказательств того, что, выполняя данное поручение, адвокат Ю. делала это некачественно (якобы, «забыла» про расписку, которую необходимо было приобщить к материалам дела, а затем «забыла» заявить ходатайство об экспертизе этой расписки); действовала при этом неразумно (якобы, не допускала А. в судебные заседания, не получила его согласия на предъявление встречного иска), а также нечестно и недобросовестно (якобы, оказывала ему юридическую помощь с целью получения конфиденциальной информации об имущественном положении его семьи, чтобы затем захватить его имущественные права), т.е. нарушила положения пп. 1 п. 1 ст. 7 Закона и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно и квалифицированно. При этом объяснения

адвоката по этим обстоятельствам об обратном, выглядят логично и убедительно, подтверждены представленными комиссией материалами вышеуказанного гражданского дела.

Вместе с тем, комиссия усмотрела в действиях адвоката Ю. нарушение по принятию на себя обязательств по представлению интересов Ч. в ходе рассмотрения во Ф...ском районном суде гор. Иванова иного дела – гражданского дела № 2-.../17 (заключение с ним соответствующего соглашения) и выполнению данного поручения (участие в судебных заседаниях по нему 6 и 23 июня 2017 года) усматривается нарушение пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, пп. 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, а также п. 1 ст. 11 этого Кодекса, на основании которого адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу. Данные положения адвокатом Ю. проигнорированы.

Делая вывод о том, что никаких запретов на представление интересов Ч. действующее законодательство применительно к таким случаям не содержит, поскольку она ранее и ныне участвовала и участвует в совершенно различных делах (хотя и тождественных по субъектному составу), а потому она вправе была принять на себя поручение по оказанию юридической помощи последнему, адвокат обнаруживает неправильное понимание вышеприведенных норм. Комиссия полагает, что в действительности, системное толкование этих положений в их взаимосвязи с иными нормативами, регламентирующими подобные правоотношения, позволяет сделать вывод о том, что конфликт интересов сторон имеет место не только в случаях, когда адвокат одновременно, параллельно и в одном деле оказывает юридическую помощь спорящим сторонам, но и когда эта помощь оказывается спорящим сторонам последовательно, с интервалом во времени, по формально разным делам. Оказывая ранее юридическую помощь А., и неизбежно став в этой связи носителем сведений, составляющих адвокатскую тайну, срок сохранения которой не ограничен во времени, адвокат получила возможность использовать эту информацию против него в другом, пусть даже хронологически далеком процессе. Согласно п. 2.3.1 Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества (правилами которого должны руководствоваться российские адвокаты на основании ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката), особенность профессии адвоката заключается в том, что он получает от клиента сведения, которые он не станет сообщать какому-либо другому лицу, а также другую информацию, которую ему следует сохранять в тайне; доверие к адвокату может возникать лишь при условии обязательного соблюдения им принципа конфиденциальности; адвокат обязан прекратить обслуживание обоих клиентов, в случае вступления их интересов во взаимное противоречие, а также при возникновении угрозы нарушения конфиденциальности или угрозы независимости самого адвоката (ст. 3.2.2 Общего кодекса). Комиссия считает, что при таких обстоятельствах не имеет значения, использовала ли Ю. в нынешнем процессе полученные ранее от А. конфиденциальные сведения или нет. Конфликт интересов сторон присутствует тогда, когда у адвоката есть конфиденциальная информация хотя бы об одной из них, которая может быть (даже гипотетически) использована во вред клиенту, как нынешнему, так и предыдущему (причем – без срока давности) а также тогда, когда возникает угроза этой конфиденциальности во взаимоотношениях с доверителями (реальная либо предполагаемая).

Соответственно, по мнению квалификационной комиссии, участие адвоката Ю. в нынешнем деле на противоположной своему прежнему доверителю стороне свидетельствует об упречности ее поведения в условиях конфликта интересов сторон, образует состав дисциплинарного проступка адвоката, допустившего нарушение выше цитированных нормативов.

Исходя из этого, комиссия считает установленными следующие факты, явно свидетельствующие о выполнении адвокатом Ю. своих профессиональных функций в условиях конфликта интересов А. и Ч.:

- на момент принятия поручения на представление интересов Ч. спор, по которому адвокат Ю. выступала представителем А., не был окончен, и участие адвоката в новом деле не могло не отразиться на интересах и прежнего и нового доверителя;

- адвокат Ю. не оспаривает, что дело, по которому она ныне выступает представителем Ч., фактически вытекает и тесно связано с предыдущим делом по спору между теми же сторонами, по которому она участвовала, представляя интересы противоположной ему стороны (то есть А.), а также с исполнением вынесенного по нему решения. На заседании квалификационной комиссии на вопрос «Каково основание для признания сделок недействительными?», т.е. что является основанием предъявления иска по второму делу в интересах Ч., адвокат Ю. ответила «Злоупотребление правом, выразившееся в выводе имущества из-под обращения к взысканию», т.е. злоупотребление правом прежним доверителем адвоката на стадии исполнения решения по первому делу;

- в судебном заседании 6 июня 2017 года Ю., являясь представителем Ч., оценивала процессуальное поведение, комментировала позиции и объяснения А. в сравнительном аспекте (как она сама пояснила – в первом деле он говорил одно, а в нынешнем - противоположное), указывая, что «А. действует «добросовестно» в кавычках в разных судах» (стр. 10 протокола данного судебного заседания), т.е. использовала для негативной его характеристики перед судом ту информацию о своем предыдущем доверителе, которая стала ей известна при выполнении функций его представителя;

- в судебном заседании 23 июня 2017 года по ходатайству Ю. судом была оглашена т.н. расписка А., которую в ходе рассмотрения предыдущего дела в обоснование своего несогласия с исковыми требованиями Ч. она же приобщала к его материалам (стр. 3 протокола этого судебного заседания);

- в том же судебном заседании она возражала против удовлетворения одного из ходатайств стороны А., ссылаясь на обстоятельства предыдущего дела (там же);

- в этом же судебном заседании Ю., отстаивая позицию Ч., вновь ссылаясь на данные, установленные по предыдущему делу, т.е. на ставшие ей известными при представлении интересов А. (стр. 4 протокола этого же судебного заседания).

Кроме того, необходимо учитывать, что соглашение с Ч. адвокат Ю. заключила, т.е. приняла на себя поручение на представительство его интересов в суде и получила от него доверенность на выполнение этого поручения, в период действия нотариальной доверенности, оформленной на нее А. причем доверенности, наделявшей ее важнейшими, специальными процессуальными полномочиями от имени А. (эта доверенность была отменена лишь 9 июня 2017 года, т.е. уже после судебного заседания, в котором адвокат Ю. участвовала в качестве представителя Ч.).

Исследовав доводы участников дисциплинарного производства, материалы дисциплинарного дела, изучив заключение Квалификационной комиссии, Совет считает необходимым направить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ю. по жалобе А. квалификационной комиссии для нового разбирательства.

В силу п. 3 ст. 19 КПЭА дисциплинарное производство должно обеспечивать своевременное, объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений, обращений в отношении адвоката, их разрешение в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом, а также исполнение принятого решения.

В соответствии с п. 6 ст. 23 КПЭА по просьбе участников дисциплинарного производства либо по собственной инициативе Комиссия вправе запросить дополнительные сведения и документы, необходимые для объективного рассмотрения дисциплинарного дела.

Абз. 4 п. 14 ст. 23 КПЭА предписывает указывать в мотивировочной части заключения квалификационной комиссии фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила профессионального поведения адвокатов,

предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, которыми руководствовалась комиссия при вынесении заключения.

Согласно п. 4 ст. 24 КПЭА Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, а равно выходить за пределы жалобы, представления, обращения и заключения Комиссии.

Совет Палаты полагает, что Квалификационной комиссии надлежит дать оценку действиям адвоката на предмет их соответствия общим нормам Кодекса профессиональной этики адвоката об адвокатской тайне, сохранении доверия лица, обратившегося за юридической помощью, и конфликте интересов (ст. 5, 6, 9, 11 КПЭА).

Статья 5 КПЭА: «1. Профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему.

2. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.»

Пункты 1 и 2 статьи 6 КПЭА:

«1. Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации.

2. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени»

Статья 9 КПЭА:

«1. Адвокат не вправе:

- 1) действовать вопреки законным интересам доверителя...
- 2) занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного;
- 4) разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц»

Статья 11 КПЭА:

«1. Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон»

Так же Квалификационная комиссия в заключении указывает на то, что адвокатом Ю. не правильно определено понятие «дело» по смыслу, придаваемому этому понятию в процессуальном законодательстве и «иных нормативах».

(Цитата) «Комиссия полагает, что в действительности, системное толкование этих положений в их взаимосвязи с иными нормативами, регламентирующими подобные правоотношения, позволяет сделать вывод о том, что конфликт интересов сторон имеет место не только в случаях, когда адвокат одновременно, параллельно и в одном деле оказывает юридическую помощь спорящим сторонам, но и когда эта помощь оказывается спорящим сторонам последовательно, с интервалом во времени, **по формально разным делам**».

В данной части заключения Квалификационной комиссии не в полной мере раскрыты «иные нормативы», которыми руководствовалась комиссия и которые, исходя из буквального звучания вывода, подлежали или подлежат применению при рассмотрении дисциплинарного производства и/или оценке действий (бездействий) адвоката Ю.

Одновременно в заключении Квалификационной комиссии не конкретизирована позиция о том, надлежит рассматривать как нарушение КПЭА участие адвоката Ю. в (цитата) «формально разных делах» или как нарушение КПЭА в части участия адвоката Ю. в рамках одного судебного спора по смыслу, придаваемому этому определению в пункте 1 части 1 статьи 22 ГПК РФ.

Одновременно Совет Палаты полагает невозможным вынесение решения по заключению Квалификационной комиссии ввиду того, что в заключении не в полной мере нашли свое отражение следующие существенные обстоятельства, а именно:

1) Когда было заключено соглашение об оказании юридической помощи адвокатом Ю. и доверителем А., когда данное соглашение было исполнено. Представление интересов на каких стадиях гражданского дела было принято адвокатом Ю. при заключении соглашения на представление интересов А. Какой объем юридической помощи фактически оказан адвокатом доверителю А.?

2) Когда было заключено соглашение об оказании юридической помощи адвокатом Ю. и доверителем Ч.?

3) Был ли разрешен по существу судебный спор между А. и Ч. по взысканию денежных средств из договоров займа на момент принятия адвокатом Ю. поручения от Ч.?

4) Имеется ли процессуальное противоречие между интересами А. как должником по судебному делу № 2-.../16 и исполнительному производству (в случае его возбуждения) и интересами Ч. как взыскателем?

5) Когда были совершены А. оспариваемые в рамках дела № 2-.../17 сделки: в период оказания ему юридической помощи адвокатом Ю. или после окончания оказания адвокатской помощи?

6) Установлена ли осведомленность адвоката Ю. о приготовлениях к совершению вышеуказанных сделок и об их совершении А. в период оказания ему юридической помощи адвокатом Ю.?

7) Были ли получены адвокатом Ю. сведения об обстоятельствах дела, в последующем использованные ею в рамках дела № 2-.../17, из принятых по делу № 2-.../16 судебных актов (Решение суда первой инстанции и Постановление апелляционной инстанции) или эти сведения стали известны адвокату в силу оказания юридической помощи А. – ссылки Квалификационной комиссии на действия адвоката Ю. в:

- в судебном заседании 23 июня 2017 года по ходатайству Ю. судом была оглашена т.н. расписка А., которую в ходе рассмотрения предыдущего дела в обоснование своего несогласия с исковыми требованиями Ч. она же приобщала к его материалам (стр. 3 протокола этого судебного заседания);

- в том же судебном заседании она возражала против удовлетворения одного из ходатайств стороны А., ссылаясь на обстоятельства предыдущего дела (там же);

- в этом же судебном заседании Ю., отстаивая позицию Ч., вновь ссылаясь на данные, установленные по предыдущему делу, т.е. на ставшие ей известными при представлении интересов А. (стр. 4 протокола этого же судебного заседания)?

8) Считает ли Квалификационная комиссия допустимыми высказывания адвоката Ю., данные ею в судебном заседании 6 июня 2017 года при представлении интересов Ч., и оценки поведению и объяснениям А. как участника гражданско-правовых отношений способными повлиять на решение суда первой инстанции по делу № 2-.../17, исходя из существа рассматриваемого спора и подлежащей опровержению истцом презюмируемой добросовестности А. как участника гражданского оборота – часть 5 статьи 10 ГК РФ?

На основании изложенного выше, руководствуясь пп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката и пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет АПИО решением от 25.08.2017 г. направил дисциплинарное производство в отношении адвоката Ю., возбужденное по жалобе гр. А. Квалификационной комиссии при Адвокатской палате Ивановской области для нового разбирательства.

Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя; разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц; оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей.

Распоряжением Президента АПИО от 27 июня 2017 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ю. по жалобе гр. А. о ненадлежащем исполнении адвокатом Ю. своих профессиональных обязанностей и нарушении ею норм законодательства об адвокатуре.

По мнению заявителя, нарушения адвоката Ю. выразились в следующем:

- участвуя в рассмотрении Ф...ским районным судом гор. Иванова гражданского дела № 2-.../16 в качестве его представителя, Ю., с ее же слов «забыла» про расписку, которую необходимо было приобщить к материалам дела, и которая подтверждала его доводы о несогласии с исковыми требованиями Ч., а затем «забыла» заявить ходатайство об экспертизе этой расписки;

- адвокат Ю. не допускала его, то есть А., в судебные заседания по данному делу, мотивируя это тем, что он своими объяснениями может испортить позицию своей стороны;

- Ю. не получила его согласия на предъявление к Ч. встречного искового заявления, охарактеризованного им «странным»;

- при рассмотрении вышеуказанного дела, как оказалось, Ю. оказывала ему юридическую помощь с целью получения конфиденциальной информации об имущественном положении его семьи, чтобы затем захватить его имущественные права;

- Ю, в силу того, что ранее представляла его интересы по названному делу, не вправе была принимать поручение о представительстве Ч. в ходе ныне рассматриваемого Ф...ским райсудом гор. Иванова гражданского дела № 2-.../17, поскольку имеется конфликт интересов А. и Ч.

С учетом изложенного, полагая, что адвокатом Ю. были нарушены нормы законодательства об адвокатуре и его права, как доверителя адвоката, просил привлечь Ю. к дисциплинарной ответственности.

В своих объяснениях, данных в ходе заседаний квалификационной комиссии 19 июля 2017 г. и 20 сентября 2017 г. и заседаний Совета, заявитель и его представитель поддержали вышеприведенные доводы.

В своих письменных объяснениях, а также в ходе заседания квалификационной комиссии адвокат Ю., не согласившись с этими доводами, сообщила, что никаких нарушений при оказании юридической помощи А. не допускала, выполняла свои обязанности надлежащим образом в рамках принятых на себя обязательств; поскольку судебные споры, в которых она участвовала и ныне участвует, совершенно различны, несмотря на совпадение в них сторон (А. и Ч.), никаких запретов на представление интересов Ч. действующее законодательство применительно к таким случаям не содержит (что подтверждено сложившейся дисциплинарной практикой АПИО), а потому она вправе была принять на себя поручение по оказанию юридической помощи последнему.

Повторно рассмотрев дисциплинарное производство после направления его Советом в квалификационную комиссию для нового разбирательства, заслушав объяснения участников дисциплинарного производства, исследовав его материалы и обсудив доводы жалобы, квалификационная комиссия установила следующее:

Бесспорно установлено, что на основании договора об оказании юридической помощи от 22 апреля 2015 г. адвокат Ю. в ходе рассмотрения Ф...ским районным судом г. Иваново гражданского дела № 2-.../16 по иску Ч. к А. о взыскании суммы займа, процентов за пользование чужими денежными средствами и встречному иску А. к Ч. о признании договора незаключенным оказывала А. юридические услуги, связанные с представительством его интересов в качестве ответчика по первоначальному иску и истца по встречному иску. Соответственно, между сторонами дисциплинарного производства возникли правоотношения, урегулированные действующим гражданским законодательством.

Согласно же п. 3 ст. 10 ГК РФ, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. При таких обстоятельствах на заявителя жалобы, несогласного с поведением адвоката при выполнении своих обязанностей перед ним, а также с качеством оказанных адвокатом услуг, возлагается обязанность доказать обратное. Кроме того, на основании п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

В этой связи комиссия отметила, что в рамках рассмотрения данного производства сторона заявителя обязана была, но не представила объективных данных, достоверных и достаточных доказательств того, что, выполняя данное поручение, Ю. делала это неквалифицированно (якобы, «забыла» про расписку, которую необходимо было приобщить к материалам дела, а затем «забыла» заявить ходатайство об экспертизе этой расписки); действовала при этом неразумно (якобы, не допускала А. в судебные заседания, не получила его согласия на предъявление встречного иска), а также нечестно и недобросовестно (якобы, оказывала ему юридическую помощь с целью получения конфиденциальной информации об имущественном положении его семьи, чтобы затем захватить его имущественные права), т.е. в нарушение положений п/п 1 п. 1 ст. 7 Закона и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, обязывающих адвоката при осуществлении своей деятельности исполнять свои обязанности честно, разумно, добросовестно и квалифицированно.

При этом объяснения адвоката по этим обстоятельствам об обратном, выглядят логично и убедительно, подтверждены представленными комиссии материалами вышеуказанного гражданского дела.

Таким образом, указанные факты, изложенные заявителем жалобы, во-первых, не нашли своего подтверждения в ходе дисциплинарного производства, а во-вторых, относятся к субъективной оценке поведения адвоката лицом, не довольным результатом рассмотрения судебного спора - не в его пользу, т.е. его доводы не могут быть расценены как обоснованные. Комиссия также отмечает, что на указанные факты А. стал ссылаться лишь ныне, спустя длительное время после окончания рассмотрения дела, хотя ранее, своевременно, своего несогласия с поведением адвоката не выражал; после совершения ей таких действий (допущения бездействия), продолжал работать с адвокатом Ю. и после окончания рассмотрения дела судом 1 инстанции (где она, якобы, допустила отмечаемые им недостатки) – в суде апелляционной инстанции.

Вместе с тем установлено, что на основании договора об оказании юридической помощи, заключенного между А. и адвокатами З. и Ю. от 22 апреля 2015 года, последние приняли на себя обязанность по оказанию доверителю квалифицированной юридической помощи, а именно: подготовке, определению правовой позиции, написанию отзыва, представлению интересов доверителя в суде 1 инстанции (Ф...ском районном суде г. Иваново) по гражданскому делу по иску Ч. о взыскании суммы задолженности по договорам займов с А.

С целью наделения адвокатов необходимыми полномочиями на выполнение данного поручения 23 апреля 2015 года на имя адвокатов З. и Ю. гр-ном А. была оформлена нотариальная доверенность сроком на три года. Распоряжением А. от 9 июня 2017 г.

доверенность была отменена.

Исполнение указанного договора охватывалось периодом с 22 апреля 2015 года (даты его заключения) по 1 июня 2016 года (дату последнего судебного заседания, по результатам которого было вынесено решение – п. 4.1 договора). Фактически же оказание адвокатом Ю. юридической помощи А. продолжилось и впоследствии посредством участия в составлении апелляционной жалобы, ее подписания и участия в суде апелляционной инстанции 24 августа 2016 г.

После принятия Советом АПИО 25 августа 2017 г. решения о направлении настоящего дисциплинарного производства в квалификационную комиссию для нового разбирательства по запросу квалификационной комиссии адвокатом Ю. были представлены договоры об оказании юридической помощи Ч.

В частности, на основании договора об оказании юридической помощи от 05 июня 2017 г. адвокат Ю. приняла на себя обязательства по представлению интересов Ч. в судебном заседании 06 июня 2017 г. во Ф...ском районном суде г. Иваново по делу по иску Ч. к А. и др. об оспаривании сделок и о применении последствий недействительности сделок.

На основании договора об оказании юридической помощи от 22 июня 2017 г. адвокат Ю. приняла на себя обязательства по представлению интересов Ч. в судебном заседании 22 июня 2017 г. (имевшего место 23 июня 2017 г.) в Ф...ском районном суде г. Иваново по делу по иску Ч. к А. и др. об оспаривании сделок и о применении последствий недействительности сделок.

Фактически предъявление иска Ч. об оспаривании сделок и о применении последствий недействительности сделок было направлено на исполнение решения Ф...ского районного суда г. Иваново от 01 июня 2016 г. по делу № 2-.../16 по иску Ч. к А. о взыскании суммы займа, в котором ранее адвокат Ю. принимала участие в качестве представителя А., и которое не было исполнено на момент заключения Ю. договора об оказании юридической помощи с Ч.

Факт осведомленности Ю. о приготовлении и совершении со стороны А. оспариваемых Ч. сделок: договора купли-продажи квартиры от 01 марта 2016 г., договора дарения квартиры от 26 августа 2016 г., договора дарения движимого имущества (промышленных товаров) от 05 сентября 2016 г., договора купли-продажи автомобиля от 20 сентября 2017 г. и договора купли-продажи автомобиля от 30 сентября 2017 г., комиссией не установлен, однако все названные сделки были заключены как во время рассмотрения гражданского дела №2-.../16 по иску Ч. к А. о взыскании суммы задолженности по договорам займа, так и в период исполнения судебного решения по данному делу.

Принимая участие в судебном заседании Ф...ского районного суда г. Иваново 06 июня 2017 г., действуя от имени и в интересах Ч., адвокат Ю., используя сведения, полученные ею в ходе представительства интересов А. при рассмотрении гражданского дела о взыскании суммы займа, заявила ходатайства (устное - стр. 8 протокола с/з и письменное – л.д. 232-233) об истребовании из ПАО «Сбербанк России» сведений о поступлении денежных средств в счет возврата кредита А. с указанием номера и даты кредитного договора.

В судебном заседании Ф...ского районного суда г. Иваново 23 июня 2017 года по ходатайству адвоката Ю., действующей от имени и в интересах Ч., судом была оглашена расписка А. (стр. 3 протокола с/з), которую в ходе рассмотрения дела о взыскании суммы займа в обоснование своего несогласия с исковыми требованиями Ч. она же, действуя в интересах А., приобщала к материалам дела (стр.1 протокола с/з от 03.02.2016 г.). Указанное обстоятельство не оспаривается и самой адвокатом Ю., что нашло свое отражение в ее письменных объяснениях.

Тогда же, возражая против удовлетворения ходатайства представителя А. о принятии встречного иска о признании денежного обязательства частично исполненным, отстаивая позицию Ч., адвокат Ю. ссылалась на обстоятельства, установленные по предыдущему делу, то есть на ставшие ей известными при представлении интересов А., а именно: *«Все было предметом доказательства в суде первой инстанции. Ч. подпись свою не оспаривал. В протоколе указано, что Ч. не получал этих денег. Это был подсчет чего-то. Судом указывается на то, что это доказательство не может быть оценено»* (стр. 4 протокола с/з). В ходе заседания квалификационной комиссии 19 июля 2017 г. адвокат Ю. подтвердила, что это высказывание касалось сведений из дела, по которому она участвовала в качестве

представителя А.

В судебном заседании 6 июня 2017 г. адвокат Ю., являясь представителем Ч., оценивала процессуальное поведение, комментировала позиции и объяснения А. в сравнительном аспекте (как она сама пояснила – в первом деле он говорил одно, а в нынешнем - противоположное), указывая, что «А. действует «добросовестно» в разных судах» (стр. 10 протокола с/з), используя для негативной характеристики своего предыдущего доверителя информацию, которая стала ей известна при выполнении своих функций в качестве его представителя.

При таких обстоятельствах квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о несоответствии вышеуказанных действий адвоката Ю. требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Согласно п.п. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

В соответствии со ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, предусматривающей, что профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

По смыслу п.п. 1-2, 4, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного; разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц; оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей.

Согласно п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.

Заключая договоры об оказании юридической помощи с Ч. на представительство его интересов по делу по его по иску к А. и др. об оспаривании сделок и о применении последствий недействительности сделок, адвокат Ю. нарушила требования п.п. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку не имела права принимать на себя поручение по представительству Ч., интересы которого противоречат интересам ее бывшего доверителя А. в связи с тем, что предъявление данного иска Ч. было направлено на исполнение решения Ф...ского районного суда г. Иваново от 01 июня 2016 г. по делу № 2-.../16 по иску Ч. к А. о взыскании суммы займа, в котором ранее адвокат Ю. принимала участие в качестве представителя А., и которое не было исполнено на момент заключения адвокатом Ю. договора об оказании юридической помощи с Ч. Следовательно, спор, по которому адвокат Ю. принимала участие в качестве представителя А. на момент заключения ею договоров об оказании юридической помощи Ч. окончательно разрешен не был, в связи с чем участие Ю. в деле качестве представителя Ч. не могло не отразиться на интересах как прежнего, так и нынешнего ее доверителей.

Занимая активную позицию в отстаивании интересов Ч. в ходе рассмотрения гражданского дела Ф...ским районным судом г. Иваново, используя полученную при осуществлении представительства А. по ранее рассмотренному делу информацию, ставя перед судом под сомнение добросовестность А. в сравнительном аспекте двух дел, адвокат Ю. допустила нарушения п.п. 1-2, 4, 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку действовала вопреки законным интересам А. и использовала в интересах Ч. полученную ранее от А. информацию.

При этом исходя из названных положений Кодекса профессиональной этики адвоката, действия и высказывания адвоката Ю. образуют состав дисциплинарного проступка вне зависимости от наступления для А. негативных последствий. Совокупность указанных нарушений привела к недопустимому статьей 5 Кодекса профессиональной этики адвоката

подрыву доверия не только к адвокату Ю., но и к институту адвокатуры в целом.

Утверждения адвоката Ю. о том, что никаких запретов на представление интересов Ч. действующее законодательство применительно к таким случаям не содержит, поскольку она ранее и ныне участвовала хотя и в сходных по субъектному составу, но совершенно различных делах, а потому она вправе была принять на себя поручение по оказанию юридической помощи последнему, основаны на неверном толковании вышеназванных положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Комиссия сделала правильный вывод о несостоятельности ссылки адвоката Ю. на сложившуюся по данному вопросу дисциплинарную практику АПИО, якобы, подтверждающую правомерность ее действий, поскольку, дисциплинарное производство органов адвокатского сообщества unprecedentedно, при оценке правомерности поведения адвоката необходимо учитывать как конкретные обстоятельства правоотношений конфликтующих сторон процесса, так и конкретные обстоятельства участия адвоката в данном конфликте.

Квалификационная комиссия справедливо отметила, что факт сомнения адвоката Ю. в правомерности и этичности своего участия в качестве представителя Ч. подтверждается ее действиями в ходе судебного заседания Ф...ского районного суда г. Иваново 06 июня 2017 г., поскольку имея обязанность на основании договора об оказании юридической помощи Ч. от 05 июня 2017 г. участвовать в судебном заседании 6 июня 2017 г., и даже достаточно продолжительное время присутствуя в нем, адвокат, тем не менее, не вступила в него сразу, занимая выжидательную позицию, обозначив свое волеизъявление вступить в процесс лишь при разрешении одного из важнейших ходатайств, заявленных стороной ее доверителя – о приобщении к материалам дела заявления об изменении исковых требований и при обнаружении с противоположной стороны возражений на данное ходатайство (стр. 6 протокола с/з).

Учитывая все вышеизложенное, комиссия пришла к правильному выводу о нарушении адвокатом Ю. вышеприведенных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и обоснованности жалобы А. в этой части.

Совет соглашается с выводами квалификационной комиссии о том, что в действиях адвоката имеются признаки нарушения норм пп. 2 п. 4 ст. 6, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и ст. 5, пп. 1- 2, 4, 10 п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При выборе меры дисциплинарной ответственности Совет АПИО учел длительный стаж работы адвоката, ее активную общественную работу, награды и достижения адвоката, а также факт отсутствия дисциплинарных производств в отношении адвоката до настоящего времени. При этом Совет учел, что адвокат Ю. не признала факт наличия в своих действиях нарушений ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Кодекса профессиональной этики адвоката. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Совет также принял во внимание, что допущенное адвокатом нарушение затрагивает не только интересы доверителя А., но и подрывает авторитет адвокатуры в целом, и по решению от 27 октября 2017 года применил к адвокату Ю. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.